

18+

ЯКОВ ПЯТИГОРСКИЙ

альтернативная фантастика

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Яков Пятигорский

**Альтернативная фантастика.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Пятигорский Я.

Альтернативная фантастика. Сборник рассказов /
Я. Пятигорский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961204-5

В этой книге собраны рассказы, каждый из которых самодостаточен. Все, что хотел бы сказать автор об этих рассказах, он сказал в них.

ISBN 978-5-44-961204-5

© Пятигорский Я.
© Издательские решения

Содержание

Постмодернизм	6
Кинопространство	16
Игры в горах	22
Эпизод первый. Карусель	22
Эпизод второй. Комната	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Альтернативная фантастика

Сборник рассказов

Яков Пятигорский

© Яков Пятигорский, 2019

ISBN 978-5-4496-1204-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Постмодернизм

Вчера, двенадцатого февраля 1998 года, в Москве никакого снега не было и в помине – одна грязь повсюду. А с утра все белым бело. К полудню, вроде, стало понемногу сходить – но тут снова воздух в белых хлопьях, – и грязь...

А к вечеру еще и мороз ударил. На лицах блестят сосульки, земля скользит под ногами. Сплошное мучение.

Не до чувств людям. Да и что такое чувства?

Володя стоял у книжного развала и изучал товар. Развал был хороший, качественный, с богатым выбором. Володя уже давно стоял здесь, переминаясь с ноги на ногу, чтобы совсем не околечить.

- Не можете выбрать? – спросил бородатый продавец, жуящий ароматную жвачку.
- Могу, – возразил Володя. – Но не хочу. Мне нравится все. Прекрасный у вас ларек.
- Да. Говна не держим, – пережевывал жвачку краснолицый продавец.
- Вижу, – согласился Володя.
- При желании можно и говно достать, – продолжал продавец.
- Верю.

Взгляд продавца путешествовал где-то внутри Володи.

- Жвачку хотите? – предложил он.
- Вы и жвачками торгуете? – слегка удивился Володя.
- Нет. Это бесплатно.
- Я не жую.

- Книги и жвачки – практически одно и то же, – заметил на это продавец.
- Знаю, – почему-то согласился Володя. – Но книги интересней.

Лицо продавца осветила снисходительная улыбка.

- Это временно, – заверил он. – Пройдет.
- У меня? – уточнил Володя.

– У вас. И у всех. – Продавец перешел на доверительный шепот. – Скоро жвачки станут гораздо интереснее книг.

- Вы имеете в виду технологию?
- Какую технологию?
- Технологию изготовления жвачек.
- Нет. Я имею в виду культурный поворот.
- А! Понятно. Я что-то такое читал.
- А я что-то такое жую, – усмехнулся продавец.
- Что-то наркотическое? – осведомился Володя.
- Тонизирующее, молодой человек, – поправили его.

– А! Ну да, конечно, – спохватился Володя. – А что бы вы рекомендовали тонизирующего на предмет почитать?

– Я бы рекомендовал вот эту книжечку. Здесь стихи. – Продавец выхватил с лотка тоненький том в мягкой обложке. – Если не хватит инсульт на первой странице, потом все станет очень хорошо. Тонизирует, да...

«Инсульт! – подивился Володя. – Вот ненормальный! Надо же такое сморозить!»

– А кто автор? – спросил он.

– Цех...

– Как это, цех? – Володя подумал, что ослышался.

– Да есть люди... – неохотно отвечал продавец. – Цех... Пишут...

«Что это он такое несет? – удивился Володя. – И вообще все это уже какой-то мистикой отдавать начинает. Да ведь, вроде? Или нет?.. Да вроде да... Хм, вообще-то интересно... Кстати, неплохо было бы влезть во что-нибудь такое поглубже...»

У Володи даже коленки задрожали, как будто подошел он к краю обрыва...

– Какие люди? – спросил он. – Что за цех?

– Есть цех! И не один! И, вообще, много чего есть, что и не снилось вам, любезный.

Взгляд продавца как-то постеклянел. В его зрачках отражались облака, петушки с какого-то карниза...

И пустота...

Что-то, в самом деле, интересное как будто готово было приоткрыться для Володи. Но как переступить порог?

И он задал дурацкий вопрос:

– Простите, пожалуйста. Вы ведь вот это всё... шутите?

Продавец хохотнул, потом хмурым взглядом поискал что-то у Володи в области диафрагмы, нашел, сделал шаг назад, и в более традиционном ключе осведомился:

– Покупать что-нибудь будем?

Володя от неожиданности аж крикнул. И смущенно ответил:

– Э... тогда, эту книжечку, значит... И еще что-нибудь... Вы обо всех книгах на вашем лотке знаете?

– Конечно, я их все читал.

– Все? И вот эту – «Ассенизационные системы»?

– По ней я писал диссертацию.

– Так вы дипломированный ассенизатор?

– Я писал вместо другого человека. За деньги.

– Ах, вот оно что!.. А, скажите, это ваше предложение достать при желании...

– Не надо так шутить, успокойтесь.

Происходящее казалось Володе настолько странным, что он осмотрелся по сторонам – не снимают ли какие-нибудь авангардисты кино, в котором он невольно исполняет эпизодическую роль. Но камеры нигде не было, люди выходили из метро, подступали к ларькам, копались в сумках, садились в наземный транспорт, и исчезали.

Но, зачем, скажите, зачем несчастному замерзающему продавцу посреди ко всему безразличной Москвы так выпендриваться?!!

– Но зачем же вы при таких знаниях работаете в ларьке?

– Элитарная работа, что тут такого... – пожал плечами продавец.

– В ларьке?

– По-другому в ларьках и не бывает.

– Так что же, выходит, что в ларьках работают только...

– В основном, энциклопедисты. По крайней мере, в книжных. Ниже профессора не найдете, потому что на работу не примут ниже.

– А вон ларек. Там бабушка стоит. Неужели и она...

– О, ну, это переводчица с мировым именем! Кажется, еще увлекается поэзией. Сочиняет мистические стихи.

– Бабулька? То есть, бабуська? То есть, простите...

– Да не такая уж она и старая. Кстати, блондинка. Просто, одежда такая. Часть доктрины...

«Подумать только! – дивился Володя. – Доктрины!»

Нужно ли говорить, что мир представлялся Володе уже несколько видоизмененным. Он хотел еще что-то сказать, но вдруг услышал:

– Так, все, я закрываюсь!

– Но...

– Без но. Вы все выбрали? Платите быстрее, за-кры-ваюсь. И так заболтался с вами допоздна. На кухне, что ль, сидим?

Продавец принялся складывать книги со стеллажей в коробку. Стоял и кидал их небрежно в черную бездну.

– Хорошо, хорошо, – засуетился Володя. – Значит... я возьму тогда... то, что вы мне посоветовали... и вот это.

Он наугад взял тоненькую книжечку.

– Эту тоненькую книжечку? – моргнул продавец. – Пф-ф... Хорошо. С вас шестьдесят рублей.

Он выхватил книжки из Володиных рук, завернул в бумагу, и крепко-накрепко перевязал веревкой.

– Это необязательно, – сказал Володя.

Или, может быть, только подумал.

За книжки он принялся лишь на следующий день. Стихи решил прочесть как-нибудь потом. А пока взял тоненькую книжечку, которую купил наугад. Раскрыл на первой странице. Довольно крупный шрифт. Первая же строчка была неожиданной и сильной:

«Привет, Володька!»

Наш герой оторопел.

– Чего-о-о?

«Да ничего! – продолжила строка. – А что, не ожидал такого поворота?»

«Секунду, – пронеслось в Володиной голове, – спокойно, это розыгрыш, неужели не понятно?»

Меж тем, глаза его, автоматически скользившие по листу, прочитали: «Нет, ты ошибаешься. Это не розыгрыш, это – правда. Да, да, это реальность! Вот так. Просто, эта реальность – литературная, а литература – авангардная, вот и все. Дошло? А как, ты думал, будет выглядеть литература будущего? Ведь думал же, прикидывал! А вот так она будет выглядеть – как то, что у тебя в руках. Понял? Отвечай! Ну, понял, или нет?»

Володя молчал, не вполне понимая, что же все-таки происходит, черт побери.

«Чего молчишь? – нападали строчки. – Отвечай. Скажи: о'кей.»

– Что??

«Скажи „о'кей“, тормоз!»

– О'кей, – вымолвил наконец Володя.

«То-то. Молодец!» – прореагировали строчки.

Володя, у которого мурашки поползли по коже, захлопнул книгу, соскочил со стула, отбежал в другой конец комнаты, и вопросительно уставился в зеркало. Сначала он щипал себя. Ничего не изменилось. Тогда он потрогал стены, погладил поверхность зеркала. Глубоко вздохнув, он снова подошел к столу и открыл книгу с конца. Вот что он прочел:

«Э нет, так дело не пойдет! Разве ты, Вова, не знаешь, что в конец заглядывать неинтересно. И глупо. И, вообще, это не честно – мы так не играем.»

Текст обрывался. Вот так, оказывается, эта книжка и заканчивалась. Просто смешно.

«Книжный край, – подумал Володя. – Задний книжный край, а вовсе не конец...»

Володя заглянул в середину.

«Ох, как ты замучил своими скачками! – взмолилась книжка. – Тебе что, не интересно узнать, что было дальше? Нет, серьезно... Короче, вот что. Советуем тебе вернуться туда, где ты остановился, и читать все по порядку. Предупреждаем последний раз: иначе все испортишь...»

Теперь из шока ему так просто было не выйти. Кто-то горько сетовал и ругался внутри него: «Хоть бы эти строчки появлялись на моих глазах – как если бы кто-то невидимый писал. Такое я хоть в кино видел... Так ведь нет! Они же там уже напечатаны! А это уже просто черт те знает что!..»

Тем не менее послушный Володя вернулся в начало.

«Перед тем, как ты пойдешь в магазин, – продолжала книжка, – немного информации. Учти: это серьезное чтение, не для слабонервных. Более того, мы уверены, что вскоре подобные книги попадут в разряд запрещенных. Обидно за жанр, конечно, но по-человечески мы это понимаем: все-таки жертвы, умопомешательство... Так что, знай: просто тебе повезло. Скоро такое за 40р. уже не купишь, а только гораздо дороже и у барыг... Ну ладно, все, иди!»

– Куда? – не понял Володя.

– Вовка, сбегай за хлебом! – послышался с кухни мамин голос.

«Ох. Вот оно что!» – глаза Володи полезли на лоб.

– Слышь, Вов?

Глаза – стоп! Глубокий вдох-выдох.

– Да, мам!

– Давай быстрее, обед стынет!

Володя схватил куртку, шапку, и выскочил на улицу. Но спешил он вовсе не в булочную, а к ларьку у метро, где давеча купил книжку.

Подбежав к входу метро, он заметался между ларьков. Нужного не было. Вот это облом! Тут он приметил давешнюю старушку и подскочил к ней:

– Простите, пожалуйста, я ищу ларек...

– Прошу прощения. Вы, кажется, сказали, что ищете ларек?

– Да. Вчера вон там был ларек. Книжный, рядом с пончиками. Там торговал дядька такой бородатый. Куда он делся?

– А вы, простите, из какой службы будете?

– Я? Не из какой. Мне просто очень нужно кое-что у него спросить. Это очень важно.

– Ах, юноша... Бог свидетель, здесь страшная ротация... Работаем в режиме полной неопределенности... Сюрприз на сюрпризе... Увы... Не обессудьте...

Из-под грязной вязаной шапочки на лоб ее выбивался светлый локон. Володя только рукой махнул. И отправился за хлебом.

Дома он получил нагоняй от мамы за задержку.

После обеда он обрел в себе силы продолжить чтение. Книга раскрыта.

«Ну что, сходил к ларьку? Нет ларька и некого спросить, и вопроса не ведаешь, и ответ сокроют... И вообще, ларьков много, а суть одна... Да и той, как будто, нет.»

«Ерунда какая-то», – подумал Володя.

«Кроме того, сказал же тебе человек – закрываюсь. А ты думал, он слова свои на ветер бросает? Пойми: сказано – отрезано. А если чему сказано закрытым быть – того не открыть вовек».

– Может, хватит юродствовать? – пробормотал Володя.

«Что ты сказал? – обиделась книжка. И тут же объявила: – Ладно, времени мало – переходим к основной части. Сейчас к тебе зайдет один человек...»

– Ой, мама! – испугался Володя.

«Не нужно было эту дрянь читать, – пронеслось в голове. – Сейчас начнется...»

В дверь позвонили.

«Нужно сказать маме, чтоб дверь не открывала!»

Но было уже поздно.

– Володь, к тебе пришли! – услышал он мамин голос в прихожей.

И вслед за этим в дверь Володиной комнаты тихо постучали.

– Черт, – обливаясь потом, прошептал Володя.

Но когда тихий стук повторился, он зло распахнул дверь. За ней стоял улыбчивый молодой человек с бегающими глазами. В руках он держал тонкую книжечку в глянцевой обложке черного цвета. Человек обвел взглядом Володю, потом посмотрел на стол с лежащей на нем книгой. Зрачки его заметно расширились, но улыбка на лице удержалась.

– Вы ведь Владимир, правда? – спросил он.

– Да.

– А я Роман, – представился молодой человек. – Вот, книжку вам принес. Берите.

И он протянул Володе книжку.

– Как это мне? Почему мне? Что это вы мне даете?

– Там написано – вам. Я и принес. Да берите же.

– Где написано? – Володя взял книжку и забегал глазами по строчкам.

– Не там. Вон, ниже, видите? – ткнул куда-то пальцем человек, назвавшийся Романом.

Там и в самом деле было написано так: «Привет, Владимир. Поздравляем с книжным обменом...»

Это было уже через чур. Даже выдавший виды Володя оторопел. Его замешательством и воспользовался Роман: он подскочил к столу, схватил Володину книжку, и задал стрекача из квартиры.

– Э! Стой! Гад! Ворюга! – не очень твердо и не то, чтобы зло – скорее, удивленно – закричал ему вслед Володя.

– Что такое! – послышался мамин голос из комнаты.

– Ничего, мам, это мы шутим с... Ромой. Все нормально, не беспокойся.

Он закрыл дверь. Присел на диван, и углубился в обмененную без спроса книгу. Решил читать сначала.

«Здравствуйте, Степанида Алексеевна! Доброго здоровьчка! Впрочем, какое уж тут здоровье, когда и жить-то Вам осталось всего ничего... Нда-с... Мы понимаем, понимаем... Да нет, Степанида Алексеевна, с чего Вы взяли... Да не глас... Ну все, начинается... Степанида Алексеевна, да поднимитесь же Вы с колен... Осторожнее, голову... Степанида Алексеевна, послушайте, есть у Вас один шанс на спасение: если Вы НЕ пойдете сейчас к собору на Елоховской, куда Вы по всей видимости уже собрались, то останетесь в живых... Нда-с... Эх. Разве Вас остановишь! Вот если бы Вы не думали, что мы – глас неба!.. Да куда там, разве Вы можете так не думать!..»

– Да что же это такое происходит! – кипело в голове у Володи, – что же это! Как же это называется!

Да, как это называется – он не знал. Он понимал лишь, что какая-то отвратительная драма разворачивается где-то... где-то... в стильном и чуждом пространстве реальности – так, что ли? Да тут еще книжка зачем-то пустилась в философские рассуждения.

«Перед вами яркий пример парадокса, одного из тридцати четырех великих парадоксов, силой которых зиждется мироздание. Вот первая его часть: Степанида Алексеевна, суеверная богомольная старушка, купила нашу книжку, приняв ее за благочестивые писульки, а может быть, и за какой-нибудь сонник. Но книга наша имеет особенность обращаться непосредственно к читающему ее, от каковой особенности у старушки немедленно помутилось в голове, и она решила, что это ей глас Божий. Сейчас она пойдет в церковь, неся в руках книгу аки хоругвь, ничего не видя пред собой, бормоча какой-то бред, и в двух шагах от храма попадет под грузовик. Выходит, что книжка наша является причиной ее смерти. Вот вторая часть парадокса: мы осведомлены, что произойдет со старушкой, и честно ее предупредили. А, значит в нас же заложено и ее спасение.

В модной реальности способна осуществиться лишь одна из частей, убивая породивший ее парадокс. Во как! Круто, да? Вот такой вот оголтелый детерминизм.

Ага, ну вот, сейчас. Так. Вон, значит, храм. Вон Степанида идет, подвывая. Так... ага, вон грузовик. Прощайте, Степанида Алексеевна. Бум! Книжка отлетает к ногам сидящего на парапете и курящего «Петр 1» Романа. Привет, Роман! Как замуты? Реально? Воруешь потихоньку, а? Да не оглядывайся ты по сторонам. Никого тут нет, просто улица. Сшибло старушку у тебя на глазах, а книжка перенеслась к тебе, вот и все. Какая книжка? Во дурень, да эта вот! Что? Волшебная? Ну, конечно же, волшебная, а какая же еще? Вот, молодец, успокоился, сигарету выплюнул. Правильно, самообладание превыше всего. В общем, слушай сюда. Тебе последнее время здорово не везло, верно? Так вот, сейчас тебе повезло очень крупно, понял? Ты единственный в сезоне, кто книгу не купил, она сама к тебе пришла. (Что ты говоришь? А, да, правильно, прилетела.) Это, знаешь ли, знак. А посему слушай внимательно. Сейчас, не откладывая, ты поедешь вот по этому адресу: ... это Северо-восток, Черкизово, знаешь, наверное. Придешь и позвонишь в дверь. Откроет женщина. Попросишь Володю, тебя впустят, зайдешь к нему в комнату, поздороваетесь, скажешь, что эта книжка для него. Дашь ему книгу, он станет ее рассматривать, а ты хватай точно такую же у него со стола и давай оттуда тягу. Понял? В той книжке, короче, имеются для тебя очень важные советы по бизнесу. Скажем без преувеличений – бесценные советы. Вот так вот. Если веришь – рискуй. А теперь книгу закрой и не читай – там все равно для тебя ничего нет. Ну, все, хоп.

Привет, Владимир! Поздравляем с книжным обменом!»

– Это уже было... Ах, да!

Володька захлопнул книжку, и его вынесло из дома. Он спешил на Бауманскую, к храму на Елоховской. В пути его ужасно мучило. Неужели, правда? Эта бедная старушка... Но ведь это же сущий кошмар!

Книгу он даже не открыл, хотя всю дорогу нервно играл с ней, сгибал и разгибал обложку, мямл уголки страниц.

Он выбежал наружу со станции метро «Бауманская» и увидел около собора, со стороны проезжей части, кучу людей – несчастных, какими только могут быть северяне зимой, кучу машин, милицию – храни ее Господь. Подойдя ближе, он разглядел на мостовой красное пятно.

– Что случилось? – спросил он у щеголеватого одетого долговязого паренька, стоявшего в толпе.

– Да вот, кого-то семитрейлером сшибло.

– Насмерть?

– Насмерть, насмерть, Вова, не сомневайся, – повернулся к нему щеголь. Указательным пальцем он поправил сползшие с носа очки в дорогой оправе.

– Что? – оторопел Володя. – Откуда вы меня знаете? Кто вы?

Его собеседник достал из кармана своего пальто книгу в глянцевой черной обложке.

– Узнаешь? Гляди, что тут написано.

Он сунул Володе под нос текст.

«Сейчас к тебе подойдет некто по имени Володя и спросит, что случилось. Володя, не надо читать эту книжку. У тебя есть своя».

– Смотрите, там меня просят не читать вашу книгу, – сообщил Володя владельцу книги.

– Что? – испуганно просипел тот, схватил книгу и уткнулся в нее. – Да, правда. Просят. Да что ж это за блянство!..

– Простите, а как вас зовут? – перебил его сетования Володя.

– Евгений, – не отрываясь от текста, протянул ему руку новый знакомый.

– А меня Владимир.

– Знаю, – буркнул Евгений, все так же, не отрываясь.

– Ах, да, извините...

Тут Женя внезапно оторвался от своей книги и отрешенно уставился в Володю совершенно косыми глазами. К тому же он выпятил нижнюю губу. Теперь он мусолил свой аристократический бакен, и задел пальцем очки, которые снова сползли на кончик носа. Наконец, он сказал:

– Во-первых, обращайся на «ты». Тебе сколько лет?

– Семнадцать.

– А мне двадцать, – задумчиво обронил Женя, еще пристальнее вглядываясь в Володю, но при этом, как будто не видя его, – три.

Снова молчание...

– Двадцать три мне, понял? Называй на «ты»... А во-вторых, как мне эту тварь победить, а?

И снова – молчание, пристальный взгляд косых глаз.

– Так ты не знаешь? – спросил Женя.

– Какую тварь?

– Вот эту, – Женя постучал пальцем по обложке. – Кстати, дай-ка мне твою посмотреть.

Нет, ты не думай, я честный: на, смотри мою.

– А зачем ее побеждать?

Женя аж попунцовел от злости.

– Ты школу окончил? – процедил он.

– Да, я в пединституте на первом курсе.

– Молодец. А я в банке аналитиком работаю. Понимаешь?

– Нет.

В голосе Жени послышались истерические нотки.

– Да ты понимаешь, что это полный шиздец?

– Э... Ну... А где ты ее купил? – спросил Володя, указывая на книгу.

– Какая разница... Ты не понял, что ли? Я в банке работаю, а там еще и не таких... –

Женя не сходил с визгливого фальцета.

– Хорошо, хорошо. Чем же я могу тебе помочь?

– Не знаю. Я, кажется, все перепробовал... А! Вот что. Бери свою книгу и давай читай вслух.

– Давай. «Не надо читать это вслух. Эта книга для индивидуального чтения». Ой, просят вслух не читать.

– Да уж вижу. А ты продолжай.

– Что продолжать?

– Вслух читать!

– Что? Нет, я не буду. Просят же!

– Кто просит?

– Да, это... люди.

– Какие люди?

– Ну... которые книгу написали.

– Да откуда они знали, что ты в эту минуту вслух читать начнешь, а?

– Ну... не знаю. Но я к этому уже как-то... привык.

– Привык? Значит – ты лох? – его новый знакомый опять уставился в Володю.

– Может быть и лох, – вздохнул тот. – Какая разница...

Женя в тоске смотрел на купола собора.

– Действительно, разницы никакой.

Теперь Женя смотрел только вверх, словно выискивал там подсказку, отчаявшись найти ее на суетной земле.

– Надо же, ничего в голову не лезет... – меланхолично жаловался он небесам. – В конец заглядывал?

Володя не сразу понял, что обращаются к нему.

– Да.

– Ругаются, правда? Вслух читаешь – тоже ругаются, – продолжал он жалобы. – Будущее предсказывают. Ближайшее. Философствуют. Место покупки книги – исчезает... А меня еще и предупредили, что накажут «за склочный нрав»... Никакой зацепки. Одна сплошная муйня...

– Они мне написали, – перебил Володя, – что это литература будущего.

– Хорошо, что Сервантес с Гомером этого не слышали... – совсем упавшим голосом проговорил Женя. – Слушай, старина, у меня дел полно. Я, пожалуй, поеду. Если ты не против, давай обменяемся телефонами. Если у тебя какие новости, информируй. Ну и я – аналогично.

Они расстались на кольцевой. Через полчаса Володя был дома. Уже в прихожей его настиг телефонный звонок. Звонил Женя. Голос его дрожал. Он умолял Володю немедленно подъехать к магазину «Детский мир», где его, Женю, держат в заложниках.

– Ты шутишь, Женя? – тихо спросил Володя.

В трубке долго слышен был мат.

– Вовка, ты потом будешь предположения строить, когда тебе мой труп по телевизору покажут, ясно?

– Ясно.

И Володя помчался к «Детскому миру». От метро он перезвонил, и Женя описал ему дорогу. Действительно, в одном из дворикув Кузнецкого моста он обнаружил примерно такую картину: Женя стоял посреди двора в обществе какого-то человека кавказской наружности. Тот был вне себя. Он что-то беспрерывно говорил, размахивая руками перед самым носом Жени. Сам Женя абсолютно стеклянным взглядом смотрел на оратора. Он был блее снега. Его бакенбарды покрылись инеем. Увидев Володю, он несколько ожил.

– Привет, Вовка. Спасибо, что приехал. Знакомься, это Ашот. Очень хороший человек.

– Это... он? – недоверчиво спросил Ашот, указывая пальцем на Володю. Он тоже был бледен. Во двореке царил страх.

– Он, он, не сомневайся, – заверил Женя. – Я же говорил – ты его не знаешь. И он тебя не знает. Так что все нормально. Просто кто-то подшутил над тобой...

Тот, кого звали Ашотом, дрожащими руками вынул из своей барсетки тонкую книжку в глянцево́й обложке черного цвета и бросил ее на снег к ногам приятелей

– Я его маму... а-эх! – он не сумел окончить фразу и выбежал из дворика.

Снова Володя встретился с безумным взглядом Жени. И вот какой диалог произошел меж ними на этот раз.

– Что все это значит? – спросил Володя.

– Ух! – вращал глазами Женя. – Старик, ты не поверишь! Короче, зашел я в дворик, – Женя обвел рукой вокруг, – отлить, а меня этот хачик ждет. Схватил меня за шею. Ох, и перепугался же я! Звони, говорит своему другу Вове, а то живым не выпущу. А у самого руки, ноги, и все остальное, от страха трясется. Ну, ясно, думаю – без литературы не обошлось. Спрашиваю его, зачем вам, уважаемый, мой друг? Он говорит, не беспокойся, только вот это ему отдам и все. Пришлось звонить.

– А откуда он меня знает?

– Ты что, дурак?

– А, понял. А зачем так сложно?

– Хм... Ты обратил внимание, что эти чокнутые книжки в принципе устраивают людям абсолютно бессмысленный экшн, а?

– Точно. А зачем?

– Меня спрашиваешь? Откуда я знаю. Авангард, черт его дери. Может быть, это борьба с компьютеризацией. А, соответственно, и с компьютерными играми. Альтернатива, так сказать. А впрочем, в этом что-то есть.

– В смысле?

– В смысле? Ну, лично я, например, начинаю входить во вкус всей этой бессмыслицы. Особенно меня вставил риск для жизни. Или это страх смерти?

И Женя так дико захохотал, что из одной из дверей вышел охранник и прогнал их из двора.

Подняв с земли книжку, оставленную Ашотом, они смахнули с нее снег и полистали.

– Ха-ха, точно так и есть, они его запугали! А ведь он мне на это намекал, пока мы тебя ждали. Знаешь, чем они его шантажировали? Тем, что, типа, знают все его криминальные дела. Стилль тот же: зайдешь в такой-то дворик, дождешься парня, который зайдет по малой нужде, скажешь, чтоб вызвал друга своего Вову. Ему отдашь книжку, и считай, что ты свободен. А иначе... Кстати, здесь вначале страницы вырваны – там, наверное, перечислены его криминалы. Ну, разве не бред?..

...Они подошли к гранитной скамье у «Детского мира» и присели покурить.

– Как ты думаешь, это долго продолжаться будет? – спросил Володя.

– Сколько надо, столько и будет, – отрезал Женя. Его глаза смотрели куда-то очень далеко, черт знает как далеко.

– М-м... – задумался Володя. – А давай попробуем дочитать эти книжки до конца.

– Ты что, – встрепенулся Женя, – свою не дочитал?

– Не успел. Не дают ведь!

Женя посмотрел на Володины ботинки. Выглядел он как-то таинственно.

– А я дочитал, – глухо пробормотал он.

– Да ну! – вытаращил на него глаза Володя.

– Ну да! Мы когда разошлись, я ее открыл – и она прямо сразу окончилась.

– Ух, ты! И чего там в конце написано было?

– Ничего особенного, – Женя щелкнул окурком. – Последняя строчка такая: «До встречи. Не бойся.» Ну теперь-то понятно, до какой встречи. И с кем. И чего не бояться.

– Ты имеешь в виду Ашота этого?

– Да вообще весь этот тусняк.

– Ага, – кивнул Володя. – Интересно, а моя сколько еще меня мотать будет?

– А ты открой да посмотри, – рассмеялся Женя. – Она ж тебе сразу на твой вопрос ответит!

Володя торопливо достал книгу из-за пазухи. И прочел: «Ну, вот и все. The session is over.»

– Жень, что такое «The session is over»? – спросил он.

– Ну, типа, сеанс закончен... – честно перевел Женя. Тут до него дошло, и он схватил Володю за плечо. – Что? У тебя тоже конец?

– Кажется, да, – кивнул Володя и прочитал последнюю строчку: «Не кажется, а точно. Это конец, который ты так жаждал узнать. И Женю это тоже касается».

– Женька, слышишь, мы с тобой, похоже, свободны! – сказал он, закрыл книгу и положил ее за пазуху.

«Странно это все как-то... – подумал он. – По идее, я должен был сойти с ума...»

– Слушай, Женя, а нет ли у тебя ощущения, что нас всех кто-то разыгрывает?

На этот вопрос Женя отвечал почему-то с улыбкой Будды. Такой улыбки не видели на Лубянке лет сто.

– Разыгрывает. Хм... Конечно, кажется! Так это же здорово, старик! Ведь литература – это игра. Разве нет?

– Тебе видней... – согласился покладистый Володя. – А, кстати! – спохватился он. – Давай уж тогда и Ашотовскую дочитаем! Там же еще пара строк осталась.

И они открыли последнюю из книг.

Вот они, эти строки:

«Ребятки, сказано ведь вам: The session is over. Over – значит over. Поймите, когда ничто не препятствует закону сохранения энергии, такая тоненькая книжка долго читаться не может. А что вы, в конце концов, хотели за 40р.?

Так что, Владимир, можешь ложиться на тахту и читать стихи, которые умудрился всучить тебе этот мудака в ларьке. Посмотрим, не хватит ли тебя инсульт на первой странице.

Чао.»

Давно в Москве не было такого мороза.

2001г.

Кинопространство

Листочки с приведенными ниже записями были найдены в гамбургской квартире А. В. Пселла, эмигранта из Советского Союза, в прошлом – кинокритика, философа и публициста. Последние годы А. В. Пселл состоял на учете в психиатрическом диспансере, не работал и жил на пособие. Его душевное состояние непрерывно ухудшалось, был поднят вопрос о его госпитализации.

Эти записи были сделаны, по всей видимости, в последние дни – когда он перестал выходить из дома.

«Большинство свидетелей моих бессонных утр никак не могли взять в толк, что означает – вдумчиво изучать киноискусство на живых примерах. Для этого они слишком любили жизнь, но как-то неумно, однотипно и неинтересно. Часто мне приходилось выставлять их за порог, в эту самую жизнь – пусть гуляют по улицам, плевать мне на них. Да, я был известен как скандалист и задира. Ну и пусть.

Олег Юльевич* (*по-видимому, О. Ю. Купреянов – кинокритик) и Филя** (**Ф. И. Трегге – режиссер, теоретик кино – см. ниже) наоборот, понимали это даже слишком хорошо. Да и что здесь непонятного, в самом деле? Что такое киноискусство? Что такое живые примеры? Но ведь их полным-полно вокруг!

Кто не знает, что персонажи кинофильмов давным-давно живут в наших квартирах! Чтобы они не стерлись о жадное пространство, мы время от времени включаем видеомэгнитофоны и кормим их своей зрительской энергией.

Если мы забываемся в тяжелой будничной работе, или угаваем под бременем того, что называется личной жизнью, то, запущенные и обессиленные, они бродят по дому и, попадаясь нам под ноги, вызывают досаду и ругань.

Но если культурный баланс нашей жизни соблюден, то, уже здоровые и полные сил, они возглавляют наши застолья.

В чужих квартирах, куда меня иной раз заносило, мне доводилось изредка встречаться с такого рода местными любимчиками. Например, как-то раз, будучи в гостях, я спешил в уборную – и с размаху налетел в коридоре на кинопризрак. И поспешил извиниться. На всякий случай. Потому что это чужое, нужно осторожно относиться, не задевать, и, если будешь грубым, – хлопот не оберешься. Вредно в чужих квартирах создавать хаос. Пусть уж все в доме будет в соответствии со вкусом хозяина.

Что касается вкусов, – с одной стороны, они совершенно разные. Например, у одних чтим Шон Коннери, у других Незнайка, герой мультфильмов. Представляете, как это выглядит!

Но предыдущий абзац скорее гипотетический, даже гиперболический, потому что на деле от неприятных неожиданностей спасает усредненность наших вкусов, тупое взаимопонимание. Это результаты глобализации – борьбы с наследием первой вавилонской башни путем возведения второй. Кого не возьми, все любят одно и то же, и одних и тех же – знаменитых и популярных. В результате, похожи друг на друга телевизионные домовые во всех квартирах.

Но есть, конечно, и различия, оттенки. Например, у одних призрак Аль Пачино – молодой красавец (как в ранних фильмах, к которым привыкли хозяева), у других – это степенный джентльмен, с сединой и морщинами. В одних домах Джек Николсон представлен как секс-символ, а в других – мрачным мудрецом, что, конечно, несколько не удивительно...

Но все это мелочи. А мы пойдем дальше. И теперь я расскажу о своей особенности. Она состоит в том, что меня с детства преследуют знаки. Связаны они всегда с лицедейством: кино, театр, и тому подобное... Всю жизнь эти знаки не дают мне покоя. Приведу пример.

В молодости я нередко бывал в Ленинграде, как известно, очень театральном городе. Эта его театральность, возможно, проистекает оттого, что Ленинград к тому же невероятно морозный... Единственное место, где можно зимой по-настоящему отогреться (а зима стоит полгода) – театр.

Я постоянно отбивался от тамошних своих родственников и знакомых, тащивших меня на всевозможные театральные постановки. Иногда за день я успевал побывать на двух, а то и трех, спектаклях. Вокруг были одни театралы. Разговоры велись только о театре. Большая часть знакомых была артистами. Местное телевидение предпочитало вести передачи, посвященные театру.

Как-то утром меня повели на классическую камерную постановку «Моцарта и Сальери». Было очень мило. Но, вернувшись домой, я решил в тот день никуда больше не ходить, а просто посидеть дома, отдохнуть. Однако вскоре позвонил один знакомый актер и, задыхаясь от переполнявшего его восторга, сообщил о какой-то новой суперпостановке, на которую он с большим трудом достал билеты. Отказаться было невозможно. Так я попал на еще одно авторское прочтение пьесы. Очень авангардное, необычное, спору нет. Со дня на день ожидалось, что спектакль прикроют. Было интересно.

Когда я, наконец, попал домой, то, включив телевизор, наткнулся на передачу, посвященную кукольному театру и его новой работе, как вы догадываетесь, «Моцарту и Сальери». Я с особенным вниманием смотрел телевизор. Я чувствовал, – что-то должно произойти. Ждал...

Тем же вечером я вышел, кажется, за хлебом. Спускаясь по лестнице, я увидел двух забулдыг: они стояли около батареи, в руке у каждого был стакан, на грязном подоконнике стояла бутылка. Речь их была невнятна, как часто бывает у опустившихся пропойц. Но, подходя ближе, я стал различать слова, предложения, и они вдруг сложились в такую фразу:

– Пойми, земля, – говорил один другому, – если кто не от мира сего, ну, там, витает в облаках, вечно с улыбочкой, такой обидеть человека не может, понимаешь (тут он, кажется, икнул), просто ор-га-ни-чески...

Его собутыльник не без скептицизма слушал эти речи. Он был совсем готов.

Я замер. Ого! Да это же перефразировка «гений и злодейство несовместны». И особенно меня поразило, как пьяница произнес по слогам “ ор-га-ни-чески». В спектакле, который я видел два часа назад, Сальери точно так же выговаривал «не-сов-мест-ны».

У меня было такое ощущение, будто весь город в тот день играл один спектакль. Для одного меня.

Такие вещи только Олег Юльевич и Филя понимали хорошо. Олег Юльевич даже слишком. Он, например, очень заинтересовался моим полушуточным сообщением о том, что после многочисленных просмотров советских и голливудских кинофильмов я открыл целый ряд двойников в обеих индустриях. Разговоры на эту тему очень забавляли Олега Юльевича. Но мне показалось, что в глубине души он серьезно относится к этим совпадениям. Он произнес экспромтом – стоя между торшером и журнальным столиком, с рюмкой в руках – несколько коротких и блестящих речей о том, что ожидает человека в мире, где существуют подобные явления. Это выглядело тогда забавным, не больше.

По прошествии некоторого времени Олег, давно мучившийся сердцем, умер, и я остался один, так как Филя уехал в Данию учиться на кинооператора. Шуточные предсказания Олега Юльевича сбылись позже, когда я уже перебрался в Гамбург. Там я продолжал частые кинопросмотры, пока не наткнулся на существование двух совершенно одинаковых фильмов. Один был снят в Голливуде сразу после второй мировой войны, другой же в России в конце пятидесятых. Фильмы не были *абсолютно* идентичными. В некоторых местах наблюдались заметные отклонения. Разумеется, разными были языки. Однако, сюжет, подавляющее количество сцен,

большинство диалогов, внешность актеров, особенности их игры были невероятно похожи, попросту говоря, одинаковые.

Подобные обстоятельства заставили меня собрать дополнительную информацию об этих фильмах. Обнаружилось, что оба сценариста не подозревали о существовании друг друга. То же касается и режиссеров. Я пересмотрел все остальные их фильмы. Манера каждого даже отдаленно не походила на манеру другого. Самым поразительным было то, что каждый из фильмов легко входил во временной контекст творчества своего создателя. Почти всех актеров я видел на экране раньше, в других кинофильмах. При сравнении оказалось, что большинство пар не были двойниками, лишь грим довершал чудо.

И, наконец, таинственным казалось то обстоятельство, что я, по-видимому, первым открыл эти фильмы в виде пары.

Примерно в то же время Филя возобновил со мной переписку. Он прислал мне в Гамбург копию своего первого фильма. В письмах он рассказывал, как создавалась картина.

Филипп отучился на кинооператора. Исполнилась его мечта, – он стал работать по специальности. Но вскоре он обнаружил, что актеров совершенно невозможно загнать в кадр так, как ему бы этого хотелось. Просто здесь действовал какой-то странный закон, не доступный Филюму пониманию.

Он считался хорошим оператором, некоторые из режиссеров, которым довелось с ним работать, находили его даже гениальным. Он советовался с ними относительно этой проблемы. В обсуждениях родилась идея фильма, в котором камера живет самостоятельной жизнью, индифферентная всему, кроме инфантильного, очарованного процессом съемки дилетанта, которым заменил себя кинооператор. Зрители убеждаются в том, что иногда персонажи, т. е. актеры, случайно (в прямом смысле слова), попадают в кадр. «Вокруг столько интересного и прекрасного... – пишет Филя – ...и все это остается на пленке».

Соавторы сценария посоветовали моему другу взять сюжетом историю Гамлета. Филя с восторгом согласился.

В итоге получилась очень необычная картина. О датском принце, который спокойно правит благополучной страной, затворившись в своем дворце в Эльсиноре. Жизнь короля и его двора размерена и, на первый взгляд, безмятежна. Король флегматичен и, конечно, склонен к философствованию. Странные фразы слетают порой с его губ. «Кажется, мир ослеп...» или «Все зеркала разбиты в Эльсиноре...»

В фильме нарочито много пустых кадров, как будто засвечена пленка, короткие, на первый взгляд, монологи Гамлета, переходят в неразборчивое бормотание, как будто мысль не ясна, и скрип половиц, шум дождя, и какой-то стук за окном заглушают добрую половину фраз.

В какой-то момент, когда из динамиков на зрителей в кинотеатре начинает давить неприятное шипение, можно услышать, как Гамлет говорит: «Почему так тихо? Где лязг засовов, шорох портьер?...»

На мой взгляд, весьма удачна мысль поместить Гамлета и его окружение в иную обстановку, без всего этого дурацкого нагромождения готических событий. Гамлетовский характер – культовый, даже архетипичный. Всем интересно убедиться в том, что его крамольное начало найдет выход наружу в *любой* ситуации. Гамлетизмом к концу фильма заражены все вокруг. Несчастный Полоний спасается от тоски тем, что потешает двор сценками театра теней. Одна из его фраз: «Не подходите близко к экрану. Он нашпигован острым железом.» Офелия, всегда окруженная сонмом своих любовников, постоянно жалуется на отсутствие любви... Лаэрт мучается от ощущения внутренней пустоты. Он, то и дело, рассказывает какие-то анекдоты... Не забыт, не потерян стиль великого «елизаветинца».

К концу фильма из недомолвок, намеков и шепотков перед зрителем вырастает картина не менее зловещая, чем у Шекспира: предательства, убийства, кровосмешение – ничто не пропало, все на месте.

Но у фильма нет трагического конца. Разве что – чуть сентиментальнее, чем у Чехова. Хотя, есть разные мнения. Под ложечкой *всегда* сосет, когда понимаешь, что *уже* не имеет значения – *когда* придет смерть...

Это неожиданное, элитарное кино нравилось интеллектуальной европейской публике, коей немало. Это был успех. Фильм получил несколько премий. Я гордился своим другом, сыгравшем ко всему прочему сразу несколько ролей в своей картине, благо избранный им способ съемки легко это позволял.

Теперь я расскажу о втором фильме Фили. Собственно, этого фильма нет на свете. Не было снято ни одного кадра. Писался сценарий. Посреди работы Филипп стал слепнуть. Врачи не сумели остановить быстро прогрессирующую болезнь. Я снова потерял связь со своим другом. Но из разных источников мне удалось собрать кое-какую информацию об этой его последней, незавершенной работе.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что картина эта, по замыслу, – о человеке, который однажды идет в кино, смотрит фильм, и вдруг понимает, что один из героев этого фильма – его двойник. У экранного героя та же внешность, те же жесты, мимика, тот же тембр голоса, что и у кинозрителя. Тот приходит в полное смятение, но этим дело не обходится. Поскольку это был триллер, экранного двойника в какой-то момент жесточайшим образом то ли убивают, то ли ослепляют. Видимо, автор сценария не успел решить. Человек в ужасе выбегает из кинотеатра, не досмотрев фильм до конца, и бежит по вечерней пустынной улице...

На этом сценарий обрывается. Существует еще несколько разрозненных сцен.

Мне показалось невероятным созвучие этого неоконченного сценария, как судьбе автора, так и теме фильмов-двойников, с которой я столкнулся.

И я понял, что пришло время ехать в Данию, к Филе. Каким бы не было его состояние, я должен был поговорить с ним. Может быть, – думал я, – таким образом я обнаружу ключ к решению всех этих загадок.

Я прибыл в Данию. Но поговорить с Филей мне так и не удалось. Мне не удалось даже его найти. В больнице, где Филя должен был находиться, в ответ на мои вопросы все – и больные, и обслуживающий персонал – только сокрушались по поводу его исчезновения. Все они до сих пор были в шоке.

Я обратился в полицию. Меня пригласили в комиссариат, где я имел довольно серьезную беседу с неким чиновником. Беседа была конфиденциальной и проходила в отдельном кабинете. Чиновник, глядя куда-то сквозь меня, сообщил мне, что дело о пропаже моего друга ведется полным ходом, и на сегодняшний день есть почти полная уверенность в том, что это похищение.

Затем он понизил голос, и сказал, что из полученных данных следует, что в деле замешаны спецслужбы одной из великих держав. Какой именно – пока не удалось установить. Я выразил недоумение этим обстоятельством. На это мой собеседник признал, что в полиции изумлены не меньше, если не больше, моего. Но с фактами не поспоришь. Так что они будут очень мне признательны, если в будущем я буду сообщать им какую-либо известную мне информацию.

Во время беседы я испытывал сильный дискомфорт из-за его мертвого взгляда. Когда же он выходил из кабинета, походка его была неуверенной, и он даже слегка стукнулся о дверной косяк. Я увидел, как за дверью к нему кто-то подскочил и, держа под локоть, повел по коридору. «Да он же слепой!» – с ужасом понял я...

Словно в помешательстве я бродил по улицам Копенгагена. Каждый раз, когда я видел слепого, а их почему-то в тот день мне встретилось немало, я замедлял шаг, подходил ближе, и пристально в него вглядывался. А вдруг это Филя – каждый раз возникала в моей голове противоестественная мысль.

Но, странное дело, слепые словно видели меня. Они вздрагивали, останавливались, и затем спешили от меня скрыться. За одним из них я долго шел по пятам, но после получаса преследования понял, что ошибся – это вовсе не слепой. Видимо, сказывалось мое нервное напряжение. Я стоял возле пешеходного перехода, погруженный в раздумья, как вдруг кто-то из прохожих предложил свою помощь, чтобы перевести меня через проезжую часть.

Немедленно покинул я Данию, так как понял, что либо я, либо весь остальной мир сошли с ума.

Вернувшись в Гамбург, я заперся у себя в квартире, и решил никуда больше не выходить. Я чувствовал лишь отвращение к жизни. События последних дней: двойники, слепые, – вся эта гадость, – душили меня, и я просыпался по ночам от кошмаров. Я стал подумывать о том, чтобы лечь в психиатрическую больницу. Я боялся окончательно сойти с ума. Для нормального человека я *слишком* часто встречался с загадочными явлениями.

По прошествии нескольких дней затворничества мне показалось, что я понемногу начинаю приходить в себя. Меня перестал душить страх. Все воспринималось гораздо легче, я бы сказал, равнодушнее. В конце концов, всего можно ожидать от нашего мира, в котором юмор становится все более страшным, а серьезные вещи – все более смехотворными. Так я говорил себе в те дни, стоя напротив зеркала, и улыбался от радости, что снова могу улыбаться.

И напоследок, я расскажу, как я сошел с ума окончательно. Да, это произошло внезапно, в один момент. Когда я очередной – наверное, сотый – раз стоял перед зеркалом и лениво спрашивал свое отражение: а все-таки, интересно, что же все это означает? Я и не надеялся получить никакого ответа. Разве у такого бреда может быть объяснение? Конечно, нет – это я всегда понимал. Но тут вдруг оказалось, что может.

Сначала я не поверил. Но, когда я *физически* ощутил волну ответа, сомнения испарились.

Я медленно отошел от зеркала, вышел в салон, и сел на диван напротив телевизора. И снова почувствовал *волну* – приглашение.

...Бывают фильмы с пустотами. Смотришь их, и как будто чего-то не хватает. Начинаешь думать – чего? Музыки, цвета, сюжетных связок? Действующих лиц?.. Случайно ли так получилось или было сделано с умыслом? Если с умыслом – то для чего? Неужели для того, чтобы эти пустоты чем-нибудь – или кем-нибудь – *заполнились*?

...Эти странные знаки из кинопространства, это увеличивающееся отчуждение от реальности... Почему это происходит со мной? Зачем? Неужели это знак, что я должен *уйти*?

...Но теперь-то все разъяснилось! Теперь я знаю, куда мне нужно.

...Всю жизнь я страдал. Все никак не мог понять, куда меня тянет. Теперь знаю. Знаю, где мое место, чей я житель...

Фу ты – как же, оказывается, все просто! Нужно только сидеть у телевизора, смотреть, и ждать. Пока не почувствуешь... А уж тогда нужно просто: *раз* – и...

Прощай, неигровой мир...»

Эти записки, больше всего напоминающие бред сумасшедшего, в числе прочих документов были присовокуплены к делу об исчезновении советского эмигранта. Никто не видел, как он выходил из квартиры, в которой перед тем заточил себя на длительный срок. Нигде не удалось обнаружить его следов.

Следствие быстро встало в тупик.

Буквально через неделю записки были выкрадены из дела и засекречены ФБР, однако по прошествии некоторого времени были выкрадены в свою очередь оттуда и засекречены в архивах Лубянки.

Дальнейшая судьба их теряется во мраке будущего.

2001 г.

Игры в горах

Эпизод первый. Карусель

Он сошел с крыльца. Мягко хрустнуло под ногами. Ослепило солнечным лучом. До подмышек пронизало густой небесной дымкой. Поселок – раскиданные кубики – как будто спал, уложенный белой ватой. Мир замерз и замер.

Он взглянул вверх: Ах! – с карниза свесились жирные белые сосульки. У них внутри спряталась радуга – это он точно знал.

Но, похоже было, – не достать.

Он привстал на цыпочки и изо всех сил стал тянуть к сосулькам руки, пытаясь ухватить хотя бы одну – самую длинную, что свисала ниже всех. Но так и не смог дотянуться – все равно было слишком высоко.

Еще совсем недавно ему так нравилось быть маленьким. Ужасно удобно: можно было пролезть где угодно и спрятаться так, что никому было не найти. А вот теперь быть маленьким ему совершенно разонравилось.

«Ну, сосулечка... Давай же сюда, ко мне. А? Ну, пожалуйста...» – взмолился он. Но нет. Так не бывает. Вот несчастье-то.

Он горько вздохнул, повернулся, и пошел восвояси. Ботинки увязали в глубоком снеге.

«Крак», – раздалось за спиной.

Мальчик застыл на месте. Сердце бешено заколотилось. Боясь вздохнуть, он осторожно обернулся...

Пусто! Сосулька исчезла.

Он подбежал назад – к сугробу, подпиравшему стену дома. Упал на колени, засунул руку по локоть в снег и стал шарить.

Вот она! Он вытащил из сугроба руку с зажатой в ней длиннющей сосулькой.

«Ура! Вот так повезло!...» Он взмахнул своей ледышкой, как будто это был меч, и со свистом рассек воздух. Ему понравилось, что сосулька свистела и рассыпала по снегу янтарные искорки. Мальчик вошел в азарт и не мог успокоиться – прыгал и рубил воздух своим мечом. От напряжения он взмок, пар валил изо рта. Сосулька разрубала клубы пара на маленькие облачка.

«Хм, – подумал он, – а хорошо было бы сложить из этих облачков картинку!...» Вспомнил сказку, которую читал вчера вечером – про фею и трубочиста. Они были такие милые и прекрасные, эти фея и трубочист, что ему захотелось, чтобы они немедленно появились здесь в воздухе рядом с ним.

Недолго думая, он стал водить по воздуху сосулькой, как кистью по холсту, размазывая клубы пара. Он подгонял облачка друг к другу, и из них лепился человеческий силуэт.

Трубочист получился совсем как живой, только прозрачный: вот его рваный пиджак (даже видны кое-где заплатки), вот мятая шляпа, а вот и щетка.

«Ой, как похож на моего дядю!...» – подумал мальчик.

Трубочист парил в светлом янтарном небе, потихоньку приближаясь к дому. Вот он уже повис над крышей. Мальчик засмеялся и помахал трубочисту рукой. Тот спрыгнул на крышу, помахал рукой ему в ответ, и со щеткой наперевес залез в печную трубу.

Из трубы послышалось громкое шипение, и из дома с озадаченным видом выскочил дядя – с всклокоченной шевелюрой, без ботинок – в толстых шерстяных носках. Рукава его серого свитера были закатаны до локтей. На шее висел фартук. В руке дядя держал нож для резки овощей.

Он недоуменно посмотрел на мальчика, потом обернулся и, вытянув шею и сощурив глаза, долго изучал покатую крышу дома. Не найдя на ней ничего подозрительного, дядя снова перевел взгляд на мальчика.

– Это ты потушил печь? – спросил он, внимательно разглядывая сосульку, которую мальчик сжимал в руке.

Мальчик от неожиданности так и не смог вымолвить ни слова.

Дядя еще раз взглянул на крышу, и, пожав плечами, ушел обратно в дом.

А мальчик все стоял, боясь пошевелиться.

Вот за дядей закрылась дверь.

«Ой-ой-ой, – подумал мальчик. – Как нехорошо получилось... Бедный дядя. Теперь ему придется снова растапливать печь... Ну нет, хватит фантазировать, а то все как-то не так получается. Пойду-ка я лучше поиграю с ребятами...»

И он отправился искать своих друзей.

Нарисовать фею он так и не успел. Ну да ладно.

Он еле нашел остальных мальчиков. Вон они стоят – Кро, Бетт, Йо-Йо, Рон, Ипси, Нюп, Де-Де, Сигги, Альфи, Пип, Кап, Мега, и все остальные. Сегодня они собрались на новой площадке для игр, над самым обрывом.

– Эй! Эге-гей! – закричал он издали и замахал руками. – Привет!

– Ага! Вон он! – загалдели мальчишки, заметив его. – Наконец-то!

Когда он подошел, его обступили со всех сторон.

– Привет, Тит! Ты почему так поздно пришел? – спросил Сигги.

Он и в самом деле никогда еще не задерживался так сильно, как сегодня.

– Я рисовал трубочиста, – сказал он.

– Какого еще трубочиста? – засмеялись они, услышав такую нелепицу.

– Из сказки.

– А-а! О-о! – понимающе закивали ребята. – Покажешь?

– Не могу. Он в печь упал, – насупился Тит.

– Кто упал? – изумились дети. – Рисунок?

– Трубочист упал, – объяснил Тит. – И потушил огонь. В печи.

– Как это – потушил огонь? Он же нарисованный!

– Я его в воздухе нарисовал, – снова объяснил Тит. – Из пара. Сосулькой. А он взял и залез в трубу. У него ведь работа такая – в трубу лазить. А печь сразу потухла. Это, наверное, потому, что он из пара был.

Его друзья от хохота чуть не надорвали животы.

– ...Ну у тебя и фантазия!..

Тит смеялся со всеми вместе. «Кажется, они не очень-то мне поверили... Хм... А может быть, мне все это действительно почудилось...»

Тут он заметил громадное и странное сооружение за спинами мальчишек. Что-то подобное он уже где-то видел. Мальчик покопался в памяти, немного подумал. Ага. Получается, то, что он видит – это одновременно и катапульта и центрифуга. А это очень странно, ведь такого не бывает – чтобы что-нибудь было одновременно и катапультий и центрифугой. По крайней мере, ни о чем подобном он не слыхал. И где такое применяется? Непонятно. Впрочем, он еще не все книжки прочел и еще не все знает. А значит, просто нужно спросить.

– Что это за штука там? А? – он показал на сооружение пальцем.

Ребята расступились, чтобы ему удобно было рассмотреть. С веселыми ухмылками они поглядывали на него, словно говоря: «Во! Видал, что у нас есть? Вот так вот!».

– Вот ты опаздываешь, – сказал Мега, – поэтому приходится тебе все объяснять. Это карусель.

Вау! Теперь у них карусель объявилась.

Ну конечно, он не раз о каруселях и слышал, и читал... только не видел никогда. Вот и не сообразил. Жизнь в горах полна неожиданностей.

– Ух ты! – воскликнул он в восторге. – У нас еще ни разу карусели не было!

– Да, – согласились ребята. – Просто как-то в голову не приходило...

Тит с восхищением смотрел на гигантскую машину.

– А когда она появилась? – спросил он у друзей.

– Утром уже была.

– И вы уже, конечно, катались?

– Естественно! А для чего же она здесь!

– Я тоже хочу!

– Понятное дело! – засмеялись все. – Ну так давай! Залезай в люльку.

Тит подтянулся и неуклюже залез в промерзшую бесцветную люльку, болтавшуюся на каких-то тросах и поскрипывавшую на ветру. К нему подошел Кап и спросил:

– Удобно?

– Нормально, – ответил он.

– Ну держись – сейчас мы тебя прокатим!

Тит оглянулся.

– А что – я один кататься буду?

– Нет, вместе с Йо-Йо, Ипси и Роном, – сообщил Кап.

– А где они?

– В других люльках. Тебе их отсюда не увидеть... Включайте! – Кап махнул кому-то рукой.

Рядом что-то затарахтело. Тит принял серьезный, даже немного торжественный, вид, выпрямился и шмыгнул носом.

Люлька задрожала, тронулась с места и тихонько поехала вперед. И вправо. Потом чуть быстрее. Но все время вперед и вправо, по часовой стрелке. «Так и должна работать карусель, – вспомнил он. – Все люльки – сколько их тут – будут кружиться все быстрее и быстрее, и каждый новый круг будет все шире, а потом...»

Он не выдержал: перевесился через борт люльки и стал смотреть вниз. Мимо проплыли лица ребят с улыбками до ушей. Мальчишки махали ему. Затем подъехал край обрыва: обманчивые линии крутых склонов, уходящих в бездну, ломаная мозаика теней и тяжелый космос ущелья. Из нагрудного кармана выскользнул фонарик и улетел вниз. «Зачем они поставили карусель на краю?..» – удивился мальчик. А потом его развернуло от пропасти.

Мир продолжал плавно поворачиваться вокруг него. Тит очнулся и сел нормально. Мимо проезжал поселок, который все еще как будто спал. А потом поселок уехал влево и пропал. За ним последовали сугробы, под которыми спал их любимый сад с лабиринтом, а позади них еле двигались темные силуэты гор, возвышавшихся над поселком.

Сейчас замкнется круг. Мальчик снова высунулся из люльки. Вон они – его друзья. Что-то кричат ему, машут руками. Он помахал им в ответ. И тут его снова кинуло в пространство над бездной, подержало там, и утащило обратно, к поселку, который проехал заметно быстрее, чем в прошлый раз. Снова проследовали сугробы. Затем показались ребята. Но теперь они были совсем маленькими. Оказывается, люлька уже прилично поднялась.

Он оглянулся и увидел, как солнце неторопливо ходит по кругу над застывшей в небе вереницей люлек. Где-то там сидят Йо-Йо, Ипси и Рон. Тит задыхался от восторга. Насытившись воздухом безграничного простора, он глянул вниз. Круг становился все шире и шире. Люльки отдалялись друг от друга. Они пролетали над самыми высокими деревьями. Дома в поселке сжались до точек. «Еще пара кругов – и я врежусь вон в ту гору,» – подумал мальчик.

Сзади раздался взрыв. Тит оглянулся – одна из люлек уже врезалась. Взрыв был не очень большой, но красивый. Мальчик не мог отвести взгляд от горы. Неужели сейчас произойдет второй? Но нет, следующая люлька набрала такую высоту, что прошла над горой, а за ней все остальные – каждая выше предыдущей.

Вскоре Тит понял, что летит уже не по кругу, а куда-то вдаль. Люлька поднялась почти до облаков. Ущелья и каньоны казались отсюда тонкими темными ленточками. Люлька лавировала среди высоченных пиков... Она делала это сама, ей не нужно было управлять. «Вот это карусель! – восхитился мальчик. – Прямо не карусель, а самолет какой-то!» Скорость люльки, как он понял, была еще выше, чем у самолета. Просто с ума сойти что творится!

Люлька легко скользила под облаками. Мальчик вертел головой и рассматривал небо и землю. И тут произошла странная вещь. Просто удивительная. Потому что он вдруг понял, что уже не сидит в люльке, а стоит по колено в снегу над каким-то незнакомым ущельем.

Он попятился назад, чтобы не оступиться в бездну. Осмотрелся вокруг. Кажется, его каким-то непостижимым образом забросило (поставило?) на какое-то крохотное плато где-то – он прищурился на солнце, прикинул в уме – к северо-северо-западу от дома. НЕВЕРОЯТНО ДАЛЕКО. Наверное, на тысячу километров, не меньше.

Он потоптался взад-вперед. Отсюда дороги не было. Крохотное плато, на котором оказался Тит, было заперто горами и обрывом.

Мальчик сел на валун, снял варежки, почесал лоб. Потом подошел к обрыву. Пописал в бездну. Мертвая тишина.

«Ну. А теперь-то что?»

За его спиной хрустнул снег. Он обернулся. Рядом с ним стоял и ухмылялся Йо-Йо. Его глаза сверкали.

– Ты как здесь оказался? – подскочил Тит к новоприбывшему.

– Так же как и ты, – сказал Йо-Йо.

– А как я?

– Карусель нас высадила, – радостно сообщил Йо-Йо. – Это кульминация!

– Кульминация чего? – спросил Тит.

– Катания. На карусели.

– А как обратно? – допытывался Тит.

– Что значит как обратно? Карусель-то!.. – голос Йо-Йо звенел на морозе.

– Не понял, – сказал Тит.

– Ну, она ж возьмет нас! – сиял от счастья Йо-Йо.

– Хм. А где люльки? – не унимался Тит.

– А... не знаю я, – ответил беспечный Йо-Йо.

Они стояли и ждали, когда их заберут. Вдруг Йо-Йо предложил:

– Давай поменяемся шапками.

– Зачем? – удивился Тит.

– Когда прилетим обратно, – объяснил Йо-Йо, – пусть все видят, что мы встречались в полете.

– Ха.

И они поменялись шапками...

– Что-то долго нас не забирают, – сказал Тит.

– Ничего, заберут, – обнадежил Йо-Йо. – Главное – успеть, пока подземные чудовища не выбрались.

– Какие подземные чудовища? – забеспокоился Тит. – Откуда выбрались?

– Из недр горы! – Йо-Йо ткнул рукой вниз. – Там они живут! Сейчас нас почуют и выберутся!

– Йо-Йо, – спросил Тит, – ты шутишь?

Йо-Йо серьезно посмотрел на Тита.

– Да-да... шучу... – еле слышно сказал он.

Валун, на котором сидел Тит, закачался. Мальчик отпрыгнул в сторону. Валун сдвинулся с места, и там, где он только что лежал, ребята увидели черную дырку. В ней что-то шевелилось. Комья промерзшей земли вылетали из дырки и щелкали по курткам мальчиков. Огромная блестящая серая лапа показалась из отверстия в земле. Странно запахло. Послышалось неприятное урчанье.

Мальчики не дышали.

– Сейч-ас нас дол-жны за-брать, – дрожащим голосом сказал Йо-Йо.

– Ага, – прошептал Тит.

И тут засвистело в ушах. Земля ушла из-под ног... Тит ничего не видел. Ветер сильно бил в лицо...

...

– ...Эй! Тит! – кто-то тряс его за плечо.

Он открыл глаза: вокруг стояли его друзья и, как всегда, улыбались до ушей.

– Ну что – понравилось?

– А?.. Что, уже все?.. – никак не мог прийти в себя мальчик. – А где... Йо-Йо?.. – спросил он, оглядываясь по сторонам.

– Я здесь! – послышалось из-за спин.

Мальчишки расступились. За ними стоял Йо-Йо и скалил зубы в довольной ухмылке.

– Смотрите, они поменялись шапками! – заметил кто-то из ребят.

– Вау! – закричали все.

Тит почувствовал, что сильно устал. Стали подгибаться колени. Такое случается после некоторых *особенно* сложных игр. В глазах потемнело... И кто-то подхватил его на руки.

– Ну, как? Хорошо покатался, милый? – услышал Тит знакомый голос.

Наконец-то за ним пришли. Дядя *всегда* появлялся вовремя.

– Я... хорошо... покатался...

Мальчику сразу стало намного легче.

– Ну тогда пойдем домой обедать, – сказал дядя.

Он посадил ребенка себе на плечи, и они пошли домой.

Сугроб закрывал пол-окна, и мальчик мог видеть только свинцовое небо. Смеркалось. Снаружи все сковало морозом, а в доме было тепло. Днем дядя принес огромную вязанку дров, и сейчас в печке пылал и сыпал искрами веселый огонь.

Дядя готовил на ужин что-то очень вкусное, судя по запаху. Тени от его рук, носа, от сковородок и кастрюль, плясали по бревенчатым стенам. Мальчика завораживала пляска теней. Солдатики были рассыпаны по столу и не шевелились. Запах еды щекотал ноздри.

– Ой, как вкусно пахнет! – не выдержал ребенок.

Дядя самодовольно усмехнулся. Он был не только великим поваром, но и великим молчуном. Его нечастые реплики каждый раз заставляли мальчика врасплох.

Тит редко о чем-либо спрашивал дядю – от него все равно невозможно было ничего добиться. Зато у них была библиотека – такая огромная, что непонятно было, как она умещалась в небольшом домике. Мальчик очень любил читать.

Однажды, прочитав что-то, он поднял голову от книги и спросил:

– Дядь, это у нас – интернат?

Он и не ждал ответа. Но в тот раз дядя удивил его. Он рассмеялся:

– Интернат! Ох-хо-хо! Какие умные слова ты вычитывешь в своих книжках!

– Да ты что, дядя! – удивился мальчик. – Ведь это же *твои* книжки!

– Хм... Ты знаешь, милый, – ответил дядя, – я их никогда не читал.

– То есть как это – не читал? – окончательно растерялся мальчик.

– М-м... ну, я книжки не люблю...

И на этом разговор закончился. «Но что же это, – удивлялся Тит, – за человек такой? Книг полно, а он их не любит и никогда не читал?»

Дядю звали Серафим. Это деревенское имя, на взгляд мальчика, очень подходило их сельской жизни. Вот и все. Больше ничего мальчик о дяде не знал. Тот был единственным взрослым существом, с которым мальчик когда-либо разговаривал. Воспитатели других ребят никогда даже близко к нему не подходили.

Вообще, взрослые в их селении были очень замкнутые. Чего нельзя было сказать о детях. Те были, наоборот, очень общительными и играли вместе почти каждый день. Сегодня, например, они все утро катались на санках и пулялись снежками.

Их селение со всех сторон было окружено горами, и дети давно нашли себе на горных склонах отличные трассы для спуска на санках – иногда совсем *страшные*, а иногда – не очень.

Однако больше всего он любил кататься с гор на лыжах. Только мешали птицы. Они очень любили детей и постоянно вились вокруг них.

Мальчик обожал кормить с рук и птиц и белок. Нередко он находил бельчат в карманах своей куртки. Когда мчишься по лыжной трассе с огромной скоростью, огибая деревца, – ужасно неудобно из-за того, что вокруг тебя вьются птичьи стаи. Но мальчик привык. И другие дети – тоже.

К тому же, они понимали птичий язык – он очень простой. Но, увы, птицы были такими глупыми.

Эпизод второй. Комната

Мальчишкам давно обещали новый аттракцион. Сегодня они его обнаружили. Совсем новенький, он стоял прямо посреди поселка, рядом с домом собраний. Ребята обошли аттракцион вокруг.

– Это то, что мы думаем? – переглядывались они.

– Разумеется! – ответили они сами себе.

– Угм. А как в него играть?

– Очень просто! – сказал всезнайка Мега. – Это павильон. И в нем комнаты. Бывают комнаты страха, бывают комнаты смеха. А это, насколько я понимаю, нечто среднее.

– В смысле? – никто ничего не понял.

– Ну чего тут непонятного? – принялся объяснять Мега. – Комнаты... нужно просто войти внутрь и это... попадать в приключения, бороться с опасностями, и выпутываться из затруднительных положений. Кто наберет больше всех очков – тот выиграл!

– Откуда ты знаешь? – недоверчиво спросили остальные.

– Что, я про аттракционы не читал, что ли? – ответил Мега.

– Понятно, – сказали ребята. – Ну что – пошли тогда?

– Стойте! – сказал Мега. – Нужно заходить по одному, максимум по двое. Это индивидуальная игра.

– Да кто тебе сказал? – обрушились на него друзья.

– Кто надо – тот и сказал, – ответил Мега и зашел внутрь павильона.

Мальчишки переглянулись.

– Ну что, – как будем заходить?

– Давайте по алфавиту... – предложил кто-то.

– Давайте, – согласились остальные. – Иди, Альфи, твоя очередь.

И они один за другим стали исчезать в недрах новой игрушки.

К Титу подошел Йо-Йо с улыбкой до ушей и сказал:

– Хочешь, пойдем вместе?

– Давай лучше по одному, а потом расскажем друг другу, – решил Тит.

– Ага, точно. Тогда держи!

– Наушники? – улыбнулся Тит.

– Угу, – сказал Йо-Йо. – Будем на связи. Ну, иди. Я за тобой...

И Тит зашел внутрь.

Сначала он шел по коридору с неоновым освещением, потом увидел лестницу и решил подняться по ней. Пройдя несколько маршей, он понял, что ему надоело идти по лестнице, и вышел в другой коридор.

Вдоль стен шли двери. Тит подумал, что было бы неплохо заглянуть за одну из них. Только какую выбрать?

За дверью, мимо которой он проходил, затыкал щенок. Тит остановился. Тявканье повторилось. Мальчик подошел поближе. Щенок, повизгивая, скребся в дверь.

– Ты чего тявкаешь? – спросил Тит невидимого щенка.

Странно – было совершенно непонятно, что такое там визжал и тявкал щенок, хотя собачий язык очень прост. Может, щенок не слышит?

Мальчик слегка приоткрыл дверь. Из щели с визгом выскочила смешная белая собачонка и бросилась к нему. Тит присел на корточки и стал гладить щенка, а тот лизал ему руки, лицо...

– Робби? – донесся голос из глубины. Он поднял голову. И увидел в дверях женщину.

– Боже, Робби, – прошептала она.

Мальчик от изумления не мог вымолвить ни слова. Женщина подошла к нему, обняла его за плечи и прижала к себе. Он почувствовал, что она дрожит.

– Робби, мальчик мой...

Тит испугался. Что же это такое происходит? Что это за женщина такая? Ведь она же – *живая!* Она – *прикасается* к нему! Он – *чувствует* ее!..

– Где же ты был, мальчик мой? – зашептала женщина.

«Ой! Что это с ней? Неужели истерика? Прямо как в книжках! Что же тут такое случилось?» Он посмотрел на ее лицо. Оно было мокрым от слез.

Бледная женщина подняла его на руки. Она все еще плакала. Плакала и *целовала* его. Целовала, не переставая. Мальчик решил терпеть. В конце концов, ко всему можно привыкнуть. «Когда же она, наконец, успокоится? – думал он. – И пора бы уже выяснить, что все это означает.»

Вдруг женщина перевела взгляд куда-то позади него и спросила:

– Как он пришел, Джон?

– Я просто открыл дверь, мэм, и он стоял за ней, – ответил мужской бас за его спиной.

– Спасибо, Джон, – сказала женщина.

Мальчик оглянулся. Вместо голого коридора с неоновым светом он увидел красивую прихожую с широкими матовыми окнами, молочно-белыми от дневного света, с пальмами в кадках, и узорным плиточным полом. Возле блестящей полированной двери стоял огромный человек с длинными бакенбардами, в темном костюме и фуражке.

«Дворецкий!» – догадался мальчик. Именно так он его себе и представлял по книгам. Кажется, по лицу дворецкого тоже скатывалась слеза. «Что это они тут все расплакались-то?»

Мальчик высвободил руку и вытер ее слезы со своего лица. Женщина улыбнулась.

Она понесла его вглубь дома. Поднялась по широкой лестнице. Он заворочено смотрел на проплывавшую мимо них огромную хрустальную люстру. На темные картины на стенах. На бесконечные портьеры. «Почему меня все так любят носить? Дядя... Теперь эта женщина...» Она толкнула дверь, вошла в комнату, и опустила его на ковер.

– Вот ты и дома!

«Ха-ха! Дома!» Взгляд его упал на стену. «Ай!» По стенам были развешаны *его* фотографии! Он подошел поближе... Да, это он и есть!

Видимо лицо его заметно исказилось от изумления, потому что женщина с встревоженным видом подошла к нему и положила руки ему на плечи.

– Что случилось, сынок? Ты не узнаешь себя?

«Как она меня назвала? СЫНОК?» Совершенно потрясенный он уставился на эту невероятную женщину.

– Робби, почему ты молчишь? – прошептала она.

«А ну-ка...»

– М-м... мама... – пролепетал он. Далось это слово ему нелегко.

После чего произошел взрыв. Она зацеловала его, задушила в объятиях, залила слезами, и наговорила кучу глупостей.

«Я так больше не могу. Лучше молчать...» – подумал он.

Потом он терпеливо дожидался того чудесного мига, когда его... мама?... высвободила его, наконец, из своих объятий.

– Поиграй пока, я сейчас вернусь.

Она вышла из комнаты. Мальчик огляделся. Всюду игрушки. Он подошел и немного поизучал их. Таких *дурацких* игрушек он отродясь не видел!

Он подошел к окну. Ага! Вот она – главная игрушка! *Настоящая* улица! О, такое он видит *живьем* впервые! Машины. Светофоры. Люди. Ух! Невозможно оторвать взгляд...

Из соседней комнаты послышался ма... ее голос:

– Алло! Инспектор Браун! Добрый день. Да, это я... Я знаю... Вам не нужно больше беспокоиться... Он нашелся... Благодарю... Он просто пришел домой... Только что... Я попробую у него выяснить... Да, я сразу вам позвоню. До свидания.

Пауза.

– Алло! Доктор МакЛири... Робби нашелся... Да, да, спасибо. Наверное, стоит его осмотреть... Хорошо. Жду вас...

Опять пауза.

– Эдриан... У меня все в порядке... Да нет... Нет. Подожди. Робби нашелся...

Длинная пауза.

– Постарайся как можно быстрее?.. Угу... Угу... Хорошо... Я тебя тоже...

Мальчик взял наушники.

– Йо-Йо, ты слышишь меня? – прошептал он.

Сначала был слышен только шум и лязг. Потом сквозь помехи прорвался знакомый голос:

– Да, слышу, Тит!

– Йо-Йо, как там у тебя дела?

– О, у меня супер! – орал довольный Йо-Йо. – Я участвую в оч-чень опасном ралли! Даже если проиграю – два очка получу!

– А если выиграешь?

– О! Два с половиной! Вообще-то у меня сейчас проблема. Мою машину сбили! Ты не поверишь – я лежу раненый и истекаю кровью! Как тебе?.. Но я так просто не сдамся! Сейчас встану – и тогда я им покажу. Правда, впереди очень трудный участок: там применяют огнестрельное оружие. А у тебя как дела, Тэтус?

– Я попал в семью.

– Куда? В какую семью?

– В свою, Йо-Йо.

– Да ты что! Вот это да! Подожди-ка, я спрошу у Меги, сколько там дают очков!

Снова шум, лязг...

– Тит! Три очка! Одна из самых трудных трасс! Поздравляю!

– Одна из самых трудных?.. А Мега с тобой?

– Нет. Он сам по себе. Но я с ним тоже связь установил... Ладно, я пошел. Мне еще машину отнимать... Пока!

«Машину – *отнимать*! Куда же это он попал? Похоже, у него там *настоящие* приключения. А ему только два с половиной... Ничего не понимаю...»

Потом началась какая-то смешная ерунда. Пришла *его теть* Элинора. Она была уже не молода, и не так красива, как его ма... ма... – но одета была в такое же воздушное белое платье. Объятия сильной тети были гораздо более чувствительными, но ничего, терпеть было можно. Тетя Элинора принесла ему конфет. Вкусно. Со сладостями, которые делал дядя там, у них в горах, конечно, не сравнить...

– Ты не будешь больше пропадать, правда, Робби? – спрашивала она его неестественным сюсюкающим голосом.

«Чего пристала? Никуда я не пропадал...»

Ужасно забавная у него объявилась тетя.

Потом пришел доктор. Он осмотрел мальчика и расплылся в довольной улыбке.

– У нашего Робби великолепное здоровье! – объявил он и ушел.

Мальчик посмотрел на (уф...) маму и тетю. Давно он не видел *таких* сияющих лиц.

«Как тут все смешно...»

Потом он играл с мамой и тетей в эти нелепые игрушки: паровозики, роботов, книжки с картинками... Мама с тетей совершенно не умели играть. Но он с удовольствием им помогал.

«Мне очень нравится тут,» – вдруг понял он. Ему уже казалось, что он всегда здесь жил. Играл в паровозики и роботов, мама играла на пианино, тетя пела, другая тетя дарила ему конфеты, кузен менялся с ним марками, дворецкий помогал ему мастерить луки, а кто-то (никак не вспомнить кто...) учил его кататься на... лошадях?.. кажется да, на лошадях. И особенно приятно было, что у него есть нормальное имя. Робби. Это значит, его зовут Роберт. Это так здорово! В честь... кажется, дедушки...

Но самое сильное чувство мальчик испытал, когда чуть позже открылась дверь, и к нему подошел высокий человек с красиво уложенными бриолином волосами, внимательно посмотрел на него, и сказал:

– Ты хорошо играешь в прятки. Или это ты играл в Лоуренса Аравийского?

Потом он сел на корточки перед ним, взял его за плечи, и, смотря ему прямо в глаза, сказал:

– Обещай мне, что не будешь играть в Лоуренса Аравийского с мамой.

Видимо этот человек намекал на его, Робби, недавнее исчезновение. Робби кивнул. Нет проблем! Не буду играть в Л.А. с мамой.

Мальчик смотрел на него и не мог своим глазам поверить. Как же этот человек похож на него! И такая же родинка на щеке... *Папа.*

Он привез сыну новую ракету. Они с папой увлекаются пиротехникой. В тайне от всех. Никто в семье об этом не знает.

– Испробуем в понедельник, – сказал папа тихо, чтобы никто не слышал. И положил ребенку в руку сверток. – А теперь быстренько спрячь ее так, чтобы никто не нашел...

– Где спрятать?

– Как это где? У тебя же наверняка есть какой-нибудь тайник, – засмеялся папа. – Не может не быть!

Ой. Конечно! Тайник! У него и вправду есть! Он выскочил из комнаты и сбежал по лестнице на первый этаж. Пробежал по коридору, открыл дверь. Чихнул: в нос попала пыль.

Никто кроме него в этот чулан никогда не заходил.

Он запихнул ракету в самый дальний угол и поспешил обратно.

Он нашел папу в салоне, в обществе родственников – папа что-то рассказывал, все громко смеялись, – подбежал к нему и схватил его за руку... В этот момент его озарило. Он любил этого человека больше всего на свете! И так было всегда, сколько он себя помнил. Иногда они расставались – папа уезжал в экспедиции. Но кроме этих поездок они всегда были вместе.

И сегодня он не отходил от папы весь вечер...

– ...Помнишь, что я тебе обещал? – спросил отец.

– Да, – решил соврать Робби. На самом деле он ничего такого не помнил.

– Вот и отлично. В воскресенье поедem. Не забудь шапочку...

«Шапочку!» Ах, ну да, конечно! Его *жокейскую* шапочку! Как же он мог забыть! Отец обещал ему, что они снова поедут кататься на лошадях. Значит, папа сумел, наконец, маму уговорить!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.